

практической конференции студентов и аспирантов / Бел. гос. ун-т; редкол.: В.М. Хомич (гл. редактор) и др. – Минск, 2001.

10. Directive 2011/7/EU of the European parliament and of the Council of 16 Feb. 2011 on combating late payment in commercial transactions [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:2011:048:0001:0010:EN:PDF>. – Date of access: 18.01.2012.

11. Directive 2011/7/EU of the European parliament and of the Council of 16 Feb. 2011 on combating late payment in commercial transactions [Electronic resource]. – Mode of access: Directive 2011/7/EU of the European parliament and of the Council of 16 Feb. 2011 on combating late payment in commercial transactions [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:2011:048:0001:0010:EN:PDF>. – Date of access: 18.01.2012.

КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АГЕНТСКОГО ДОГОВОРА

Борель Ю.С., аспирант кафедры международного частного и европейского права БГУ

На современном этапе специальное коллизионное регулирование отношений коммерческого представительства в целом, а также агентского договора в частности, на международном уровне закреплено в Гаагской конвенции 1978 г. о праве, применимом к договорам посредничества и представительства (далее – Конвенция).

Широкая формулировка ст. 1 позволяет применять положения Конвенции практически ко всем видам отношений представительства, как в соответствии с подходами, сложившимися в романо-германской, так и англосаксонской системе права. Конвенция применима ко всем отношениям представительства, как к внутренним (агент-принципал), так и внешним (агент/принципал-третья сторона).

Глава II посвящена внутренним отношениям представительства. Принцип автономии воли сторон по вопросам определения применимого к соглашению права является основным. Данный выбор «должен быть ясно выраженным либо явно следовать из условий соглашения либо явно следовать из условий договора либо обстоятельств дела». В случае, если стороны не определили применимое право, применимым правом будет считаться национальное право того государства, на территории которого в момент заключения агентского соглашения *агент имел свое коммерческое предприятие* или, при отсутствии такового, свое обычное место жительства (ч. 1 ст. 6). Вышеуказанное правило не действует, когда основная деятельность

агента осуществляется на территории того же государства, где принципал имеет свое коммерческое предприятие или, при отсутствии такового, проживает. В таких случаях применяется право данного государства (ч. 2 ст. 6). В случае если принципал или агент имеют более одного коммерческого предприятия, правила ст. 6 будут применяться к коммерческому предприятию, с которым агентское соглашение наиболее тесно связано.

Положения Конвенции отличаются значительной жесткостью в отличие от ранее существовавшего регулирования в рамках Римской конвенции 1980 г. о праве, применимом к договорным обязательствам, а также в рамках регламента Рим I в настоящее время. Статья 6 Конвенции не содержит гибкого принципа наиболее тесной связи в качестве избавительной оговорки. Неприменение основной коллизионной привязки «страна места коммерческого предприятия агента» допускается только в конкретно названном случае. На наш взгляд, такая позиция вполне оправдана. Не включив общую избавительную оговорку (принцип наиболее тесной связи), авторы Конвенции предложили ситуацию, которая ее описывает.

Выбор привязки «право государства, где находится коммерческое предприятие агента», как основной, видится наиболее приемлемой по следующим причинам. Во-первых, данное право наиболее тесно связано со стороной, которая выполняет обязанности, характеризующие все соглашение. Во-вторых, большая вероятность, что государство местонахождения коммерческого предприятия агента и государство места осуществления его деятельности совпадут. В-третьих, будут учтены императивные нормы государства местонахождения коммерческого предприятия агента, например, предоставляющие дополнительную защиту агенту. В-четвертых, данное решение предоставит законную центральную роль агенту в правоотношениях представительства. Данная коллизионная привязка впервые была предложена швейцарским автором Е. Пфистером (Eugen Pfister) и в дальнейшем получила одобрение в голландской, немецкой и французской доктрине. Так, выбор авторов Гаагской конвенции отвечал представлению о надлежащем коллизионном регулировании внутренних отношений представительства, закреплённом в доктрине.

В доктрине международного частного права едва можно найти более спорный вопрос, чем регулирование внешних отношений представительства. В русскоязычной доктрине данный вопрос не возникает (не рассматривается). Здесь все вопросы представительства, такие как полномочия торгового (коммерческого) представителя, регулируются правом, применимым к внутренним отношениям (составляющим, например, агентский договор).

На современном этапе развития голландской, швейцарской, немецкой, бельгийской и французской юрисдикции вопросы представительства (в частности, полномочия торгового представителя) рассматриваются автоном-

но, а именно отдельно от внутренних отношений представительства (агент-принципал) и основного договора (купли-продажи и других между принципалом и третьей стороной).

Третий вариант подхода к данному вопросу предполагает признание возможности разделения отношений представительства на внутренние и внешние для целей международного частного права, но предполагает неприменное применение к внешним отношениям права, регулирующего основной договор (купли-продажи и другие).

Авторы Конвенции, очевидно, придерживались второго подхода. Основной привязкой в ст. 11 гл. III Конвенции стала «право государства места нахождения коммерческого предприятия агента». Однако национальное право государства, в котором агент осуществлял свою деятельность, будет иметь приоритет в случае, когда: 1) принципал или третья сторона имеет свое коммерческое предприятие (обычное место проживания) в данном государстве, 2) агент действует на бирже или аукционе, 3) агент не имеет своего коммерческого предприятия. В соответствии со ст. 14 Конвенции принципал и третья сторона имеют право выбрать применимое право к вопросам представительства между ними.

Считаем, авторами конвенции проделана серьезная работа по поиску объективных коллизионных привязок для внутренних отношений представительства. Однако целесообразность рассмотрения полномочий агента автономно от остальных отношений в основном договоре для целей коллизионного регулирования вызывает сомнение. Такая позиция может запутать стороны, не ясен объем вопросов, регулируемых различными привязками.

С практической точки зрения жесткость положений ст. 14 о том, что «письменное условие принципала или третьей стороны в отношении по поводу применимого права...должны быть явным образом приняты второй стороной...», вызывают сомнения. Теряется экономический смысл торгового представительства: экономия времени и денег. Составители конвенции дали понять, что агент не должен участвовать в принятии решения по поводу применимого права к внешним отношениям представительства.

Отечественным субъектам хозяйствования, заключая договоры при помощи торговых представителей, следует обратить особое внимание на то, что доктрина и правоприменительная практика ряда зарубежных государств, а также Гагская конвенция рассматривают внешние отношения представительства (полномочия торгового представителя) автономно от основного договора для целей коллизионного регулирования. При заключении договоров с резидентами стран-участниц Конвенции такой выбор должен содержаться в отдельном документе и быть подписан принципалом (не агентом от имени принципала) и третьей стороной.